

На правах рукописи

Куратченко Марина Анатольевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Специальность 09.00.11 Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Красноярск – 2016

Работа выполнена на кафедре социально-массовых коммуникаций ФГБОУ
ВО «Новосибирский государственный технический университет»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Вальдман Игорь Александрович

Официальные оппоненты: Кряклина Тамара Федоровна,
доктор философских наук, профессор,
АНОО ВО «Алтайская академия экономики
и права», кафедра социогуманитарных наук,
заведующий кафедрой

Мадюкова Светлана Александровна,
кандидат философских наук,
ФГБУН «Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии
наук», отдел социальных и правовых
исследований, научный сотрудник

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный университет экономики и
управления «НИНХ»

Защита состоится «17» ноября 2016 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.099.17 при ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный,
д. 82, стр. 6, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет» и на сайте: <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан: «__» октября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Петров
Михаил Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность

Современное общество характеризуется быстротой и масштабностью социальных изменений. Эти изменения происходят на фоне процессов мировой интеграции и, связанных с ней, явлений этнокультурного ренессанса, национализма и общей политизации проблем межкультурного взаимодействия. Имеющиеся тенденции зачастую противоречивы и не могут быть однозначно интерпретированы.

Кризис, в котором пребывает современное общество, требует поиска путей его скорейшего преодоления, выявления теоретических оснований для решений, которые смогут как предложить варианты урегулирования конкретных кризисных явлений, так и стать основой для дальнейшего устойчивого развития. В данном контексте перспективным представляется обращение к теоретической рефлексии социальных модернизаций, как случая социальных трансформаций, отличительной чертой которых является комплексное целенаправленное преобразование общества, обусловленное наличествующими примерами других обществ, которые рефлексировались как регулятивно значимые образцы успешного развития по отношению к собственному состоянию, осознаваемого как отстающее в том или ином аспекте.

С середины XIX века социальные трансформации по типу модернизационных преобразований проводились в ряде незападных обществ. Ко второй половине XX века стало очевидно, что эффективность данных процессов в различных сообществах неодинакова. Кроме успешных примеров, известны ситуации, когда модернизация не приводила к ожидаемым результатам: дисгармония в экономических мероприятиях не позволяла преодолеть нищету. Одновременно с тем широко распространялись диктаторские и авторитарные режимы, возникали новые формы национализма и религиозного фундаментализма, а уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов приводило к социальной дезорганизации, хаосу, социальной аномии.

Данные процессы заставили исследователей пересмотреть прежние теоретические модели модернизации. Если на протяжении более половины XX века данный вид социальной трансформации исследовался с позиций безусловной универсальности западного общества, чьими отличительными чертами являются капитализм, гражданское общество, секуляризация и проч., то в 60-70-х гг. XX в. следует обращение к сравнительному изучению процессов социального развития, где особое внимание уделяется значимости ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной деятельности общества. Необходимость продолжения теоретической рефлексии модернизации связана с существующей на сегодняшний день вариативностью интерпретаций, предлагающихся модернизационным процессам различными сообществами. Для снятия имеющихся противоречий, перспективным представляется комплексное

исследование модернизации в рамках деятельностного и социокультурного подходов. Такая постановка проблемы позволит представить модернизацию как систему деятельности в контексте разработки общей теории локального, и фиксации не только закономерностей социальных систем, но и особенностей реализации этих закономерностей в историческом процессе. В таком случае, определять специфику модернизационного процесса (как системы социальной деятельности) будут социокультурные основания, предлагающие возможности и ограничения в осуществлении трансформаций, обеспечивающие успешность и непротиворечивость традиционного и инновационного компонентов в ситуации осуществления модернизационных преобразований.

Такая постановка проблемы необходима, в том числе, для исследования соотношения универсального и уникального в общественном развитии. Подобный опыт теоретической рефлексии локализации инвариантов механизмов модернизационных преобразований применительно к отдельному обществу со специфическими социокультурными основаниями собственного существования, обогащает понимание логики развития как общества в целом, так и отдельных сообществ, предлагая закономерности, которые не были бы видны при абстрактном уровне описания.

В предложенном исследовании теоретическая рефлексия специфики реализации инвариантов механизмов модернизационных преобразований представлена на материалах китайского общества. Представляется, что именно пример Китая, прошедшего путь от разрушенного полуколониального государства до второй экономики в мире и сохраняющего (несмотря на кризисы) социальную стабильность и культурную преемственность, является наиболее репрезентативным в контексте данного исследования.

Еще одним фактором актуальности данного исследования является та роль, которую играл и продолжает играть Китай в судьбе России, оказывая влияние на перспективы ее развития в XXI веке. Китайская Народная Республика считается стратегическим партнером Российской Федерации, однако, отношения между нашими державами складывались далеко неоднозначно: от братской дружбы народов в 50-х гг. XX века, до, практически, военных действий в конце 60-х. Представляется, что учет результатов исследования социокультурных оснований модернизации китайского общества будет способствовать пониманию логики современных процессов и содействовать адекватному взаимодействию между представителями РФ и КНР на различных уровнях.

Степень научной разработанности проблемы

Несмотря на то, что в подобной формулировке проблема не исследовалась, изучение различных аспектов вопросов, связанных с социокультурными основаниями модернизации китайского общества Нового и Новейшего времени представлено в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых.

Ключевыми здесь являются вопросы, связанные с пониманием социальных трансформаций, которые зависят от представлений об обществе и социальной реальности. Изучение социальной реальности общества и специфицирующего его культурного комплекса (особенно общества, в условиях трансформаций), наиболее репрезентативно представлено в рамках феноменологического направления в социологии. Наиболее значимые работы, подходящие к изучению культуры как специфической социальной реальности принадлежат А. Шюцу, П. Бергеру, Т. Лукману. Ввиду сложной системной структуры данного феномена, исследования проводятся по ряду направлений, которые целесообразно разделить на несколько подходов.

Культурно-антропологический подход. Социально-культурная антропология занимает важное место в современной системе знания о мире. Старая исследовательская традиция (Л. Г. Морган, Ф. Боас, Э. Тайлор) была направлена на изучение преимущественно традиционных обществ как своего рода изолированных структур. Впоследствии центр внимания ученых-антропологов переместился на изучение жизни тех же самых народов в контексте взаимосвязанного и взаимозависимого колониального и постколониального мира, что было обусловлено не только интеллектуальными подвижками в рамках собственно научной парадигмы, но и значительными изменениями в политической структуре мира. Подход к исследованию культуры через устаревшую призму «народов и регионов» уступил место более эффективной практике изучения процессов формирования и трансформирования культурной и социальной идентичности. (Дж. Маркус, К. Гирц, С.А. Арутюнов). Специфическая современная «антропологическая парадигма», предполагающая наличие «другого» в любой культуре и любом социуме, даже в своем собственном, и постулирует необходимость его исследования как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

Иной ракурс в исследовании социальной реальности предполагает деятельностный подход. За рубежом понятие социальной деятельности исследовалось в рамках теоретической социологии и, прежде всего, социологического номинализма, согласно которому единственным источником социального принимаются индивид и его социальное действие (М. Вебер). В дальнейшем тематикой социокультурных факторов развития хозяйства, обращаясь к наследию Вебера, интересовались авторы недавних исследований: Н.Н. Зарубина, Ю.Н. Давыдов, А.И. Кравченко.

Т. Парсонс и Ю. Хабермас в своих работах преодолевают границы субъективизма и объективизма в объяснении социальных явлений, изучая социальную деятельность в контексте ее обусловленности суммой внутренних и внешних условий.

В рамках иной традиции понимания и исследования специфики, содержания, природы социальной деятельности работали отечественные специалисты. В разработке понятия «деятельность» и деятельностного подхода отечественными мыслителями особое место принадлежит Московскому методологическому кружку – научно-философской и

методологической школе, созданной в 50-х гг. XX века Г.П. Щедровицким. Деятельность кружка оказала влияние на становление таких отечественных философов и методологов, как Н.Г. Алексеев, Б.А. Грушин, В.С. Швырев, В.Н. Садовский, В.А. Лефевр, Э.Г. Юдин, М.А. Розов и др.

Кроме представителей Московского методологического кружка отечественными учеными (А.П. Огурцовым, Г.С. Батищевым, В.П. Фофановым) был разработан ряд концепций деятельностной проблематики. Деятельностный подход в отечественной традиции осмыслялся не только в рамках философских исследований, но и в работах психологов и педагогов, где «деятельность» понималась, скорее, как функция человека, индивидуального субъекта, наделенного сознанием (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов). Э.В. Ильенков развивал идею о «тождестве бытия и мышления», имея в виду, что содержание мышления (и сознания вообще) характеризует не сознание, а саму реальную предметность.

Безусловным интеллектуальным прорывом в отечественном гуманитарном знании явилась междисциплинарная интеграция и теоретический синтез различных его отраслей в таком направлении научных исследований, как «культурология». Э.С. Маркарян принадлежит создание деятельностной концепции культуры. В настоящее время кроме непосредственно «культурологии» отдельно выделяется такая научная дисциплина как «социальная культурология», чье становление связывается с именем Б.С. Ерасова.

Междисциплинарные исследования социальной реальности также развивались в контексте методологии социокультурного подхода, представленной в работах Л.Г. Ионина, А.С. Ахиезера, Н.И. Лапина. Отличительными чертами социокультурного подхода является, прежде всего, восприятие общества как целостного, самостоятельного субъекта, обладающего своими, специфическими особенностями развития, включенного при этом во всемирно-исторический процесс. При этом общество описывается в генетических, функциональных связях, обусловленных спецификой кросскультурного взаимодействия и разнообразием этнокультурного состава.

Понимание проблем социальных модернизаций, как особого типа социальных трансформаций, представлено во взглядах на природу общественного развития, которые в общем виде можно разделить на два методологических подхода: эволюционный (Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрезер; Ш. Летурно) и цивилизационный (А. Тойнби, Э. Тоффлера, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев, Б.С. Ерасов).

Основным положением теории модернизации является представление о наличии двух типов обществ – традиционном и современном. Это различие появилось еще в конце XIX в. в работах таких социологов как Г. Спенсер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм.

На протяжении более половины XX века модернизация исследовалась с позиций безусловной универсальности западной цивилизации, чьими

отличительными чертами являются капитализм, гражданское общество, секуляризация и практическая рационализация деятельности. Таким образом, в разработке теорий модернизации можно говорить о превалировании до 70-х гг. XX века концепций вестернизации, согласно которой все народы проходят в своем развитии одни и те же стадии, определяемые, прежде всего, объемом ВВП, совокупного дохода и накоплений, двигаясь в своем развитии в направлении западных обществ. Данная позиция находит отражение в работах Д. Лернера, С. Блэка, Г. Мюрдаля и других ученых, признававших значение культуры, но лишь как основание для барьеров кросскультурных взаимодействий в незападных обществах. Схожую точку зрения транслирует и отечественный востоковед Л.С. Васильев, указывая на неизбежность для незападных обществ преобразований по типу вестернизации.

Однако в 60-70 гг. XX века многочисленные трудности в модернизации и застойные явления в большинстве стран, избравших «догоняющий» путь развития, заставили исследователей пересмотреть прежние универсальные модели и обратиться к сравнительному изучению процессов социального развития. Ряд ученых (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай) пришли к выводу о неравномерности процессов модернизации в различных сферах жизнедеятельности социальных систем. Впоследствии эту точку зрения поддержали Д. Эптер, Б. Мур. Израильский ученый Ш. Эйзенштадт, придававший особое значение функционированию ценностей в культуре, определяющим вариативность модернизационных процессов, главный итог смены парадигмы охарактеризовал как «признание огромного институционального разнообразия различных современных и развивающихся обществ». Таким образом, в данном контексте модернизация предстает не линейным и моноцентричным способом общественного развития, каким она представала в концепциях вестернизации, а полицентричной, допускающей значительную вариативность.

В середине 1970-х годов С. Хантингтон заявил о цивилизационных основаниях, определяющих вариативность социальных процессов, определяющихся культурой и исторически сложившимися культурными традициями.

В китайской исследовательской традиции модернизационные преобразования понимаются как общемировая тенденция и один из видов коренных изменений в человеческой цивилизации со времени промышленной революции XVIII века. Модернизация в таком смысле разделяется авторами на два «больших типа и, соответственно, периода – первичную и вторичную модернизации. Первичная – это процесс перехода от аграрной цивилизации к индустриальной, вторичная – от индустриальной цивилизации к цивилизации знаний (Хэ Чуаньци, Сунь Липин). Важное место в контексте модернизационных преобразований уделяется конфуцианству (Фан Кэли, Дзянь Линьсян, Фан Гогэн, Ло Бэньци). Именно конфуцианство по мнению китайских специалистов является фактором, обеспечившим уникальность китайских модернизационных преобразований, заключающиеся в отказе от

западного индивидуализма, и приверженности «клановому коллективизму восточного образца».

Отечественные исследователи также занимаются изучением вопроса роли конфуцианства в модернизации Китая (Г.С. Каретина, А.В. Аллаберт). В данных работах исследуются динамика отношения к конфуцианству правящих элит Китая на протяжении XX века, анализируются подходы китайских ученых к пониманию роли конфуцианской культуры в современном обществе, однако, несмотря на обширный эмпирический материал, будучи выполнены в историческом ключе, исследования носят скорее констатирующий характер, не затрагивая вопросы закономерностей общественного развития. Одновременно, многие отечественные исследователи отмечают такую особенность модернизации в Китае, как ее невозможность находиться в противоречии с традициями страны. Говоря о том, что традиция не противостоит прогрессу, а способствует ему, М.Л. Титаренко использует термин китаизация (中国化). Процесс формирования новой культуры может быть расценен как процесс интеграции древнекитайской и европейской культур. В тоже время, О.Е. Непомнин определяет происходящее как межцивилизационный синтез. В контексте исследования китайской модели модернизации показательна работа А.В. Виноградова, где предложено линейное понимание модернизации, вследствие чего особое внимание уделяется экономическому и политическому развитию Китая и его взаимодействию с СССР.

В связи со специфической рефлексивностью модернизационных преобразований, особое место уделяется исследованию проблемы Другого. Данному вопросу посвящены работы С. Баньковской, И. Нойманна.

С указанной проблемой тесно связаны вопросы исследования социальной идентичности. В контексте методологии различных направлений социогуманитарных исследований, исследование данного феномена предложено в трудах Э. Эриксона, З. Фрейда, Г. Зиммеля, Э. Фромма, Дж. Тернера, Э. А. Орловой. Понимание идентичности как результата идентификации человека (группы людей) с социальной общностью применяется в работах Г. Тэджфела, П. Бергера, Т. Лукмана и др.

Что касается исследований проблематики природы, становления, системно-функциональных и социальных характеристик идентичности в социокультурной системе, то существующие теоретические дискуссии о природе идентичности в настоящее время, в основном, проводятся в рамках следующих позиций: эссенциализм, примордиализм или конструктивизм. Следует отметить, что ни одна из указанных позиций не является «однородным течением»: в рамках подходов, очевидно, существует несколько направлений исследований, различающихся между собой.

Изучение феноменов социальной идентичности коллективных субъектов осуществлялось в основном в рамках исследования этносоциальных аспектов культуры (Р. Габино, В. И. Козлов, Н.Н. Чебоксаров, Н.В. Шелепов, Ю.В. Бромлей, М.Н. Губогло, Ф. Барт, В.А. Тишков, Л.М. Дробижева) и

исследований национальных идеологий и национального самосознания (А.И. Миллер, Б. Андерсон, С.В. Кортунов). Уделяя особое внимание эмпирической составляющей, авторы, зачастую, не предлагают концептуализации категории идентичности: способов соотношения внутреннего и внешнего, источников развития, контекста взаимодействия индивидуального и общественного.

Китайские исследователи стали уделять внимание проблеме идентичности сравнительно недавно, значительный вклад внесли работы Шэнь Хуэя, Ван Минкэ, У Сяопина, Лю Цзянцзюня. Проблемам влияния общемировых процессов на идентичность китайского общества в условиях трансформации посвящены работы Хуан Пинцина, Чжан Сюдуня, Сюй Гоци.

В междисциплинарных исследованиях, ставящих вопрос об отражении в языковой культуре социальных изменений в обществе, приоритет в понимании проблемы социальной сущности языка принадлежит Ф. де Соссюру. Осмысление языка как социокультурного феномена отражено в работах К. Леви-Строса, Э. Кассирера, Ю.С. Степанова. Теоретико-методологические вопросы социолингвистики были разработаны в научных трудах А.Д. Швейцера, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и проч.

Выделение психолингвистического направления связывается с именами В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа. Разработанная этими учеными теория «лингвистической относительности» стала принципиальной основой для вывода о разнице «картин мира» у представителей разных человеческих обществ, зависящих от разницы в языковых системах. В дальнейшем данный подход получил развитие в работах таких ученых, как В.П. Белянин, А.А. Брудный, Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, А.Л. Брагина, А.А. Леонтьев.

Теория «лингвистической относительности» дала теоретико-методологическое обоснование еще одному междисциплинарному направлению, оформившемуся на стыке лингвистики и культурологии. Вопросы лингвокультурологии в своих работах раскрывали Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, С. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В. В. Воробьев, А. Вежбицкая, С.Г. Тер-Минасова.

Таким образом, за последние годы философами, культурологами, лингвистами, психологами была проделана большая работа по выявлению многоаспектного характера взаимодействия языка, действительности, культуры.

Исследование мифологической составляющей картины мира традиционного общества, взаимодействие мифа и ритуала предложено в работах М. Элиаде, А.К. Байбурина, В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского, Т.В. Цивьяна. На китайском материале разработка данной проблематики представлена, прежде всего, в работах Крюкова В.М. Обзор мифологии и религии Китая содержится в пятом томе энциклопедии «Духовная культура Китая», выполненном под редакцией М.Л. Титаренко.

Исследованию функционирования китайской традиционной культуры посвящены работы Н.А. Абрамовой, Т.П. Григорьевой, Л.С. Васильева, А.И.

Кобзева, М.Е. Кравцовой, А.В. Ломанова, Л.С. Переломова, Е.А. Торчинова, М.Ю. Ульянова, Тань Аошуан.

Проблемы истории Китая, в которых находят отражение социокультурные характеристики общества, представлены в работах Ю.М. Галеновича, В.В. Малявина, А.А. Маслова, К.М. Тертицкого, О.Л. Фишман и др.

Следует отметить, что несмотря на большое количество исследований, посвященных разработке проблем социокультурной динамики общества, в том числе в развитие теории модернизаций, до сих пор не было создано целостной концепции модернизации, учитывающей, в том числе, ее социокультурную специфику. Имеющиеся на сегодняшний день исследования, посвященные модернизации китайского общества, носят в основном эмпирический характер и выполнены в проблемном поле экономики, политологии или социологии, где социокультурным основаниям модернизации, особенностям внутренней рефлексии не уделяется должного внимания, вследствие чего за рамками исследований оказываются механизмы и логика процессов трансформации.

Объект исследования: социокультурное развитие китайского общества.

Предмет исследования: специфика социокультурных оснований модернизации китайского общества Нового и Новейшего времени.

Цель и задачи исследования: Целью представленной работы является выявление специфики социокультурных оснований модернизации китайского общества Нового и Новейшего времени.

Постановка данной цели требует решения следующих задач:

1. Охарактеризовать социокультурные основания системы социальной деятельности традиционного китайского общества.
2. Выявить социокультурную специфику модернизации как способа общественных трансформаций.
3. Выявить наиболее значимые социокультурные основания модернизации китайского общества.
4. Охарактеризовать особенности внутренней рефлексии в модернизационных преобразованиях китайского общества.
5. Выявить знаково-символические особенности заимствований, опосредующих модернизационные преобразования китайского общества.

Теоретико-методологические основания. Применение элементов системно-деятельностного подхода и особенно субъект-субъектной модели социальной деятельности, разработанной В.П. Фофановым, позволяет раскрыть важнейшие характеристики модернизационных преобразований в обществе как системе социальной деятельности.

Применение социокультурного подхода к исследованию процессов трансформации традиционного общества в условиях модернизационных преобразований, позволяет анализировать явления как комплекс взаимосвязанных элементов, находящихся во взаимодействии, единстве со средой, изменяющихся с течением времени. Исследование опирается на концептуальные социально-культурологические разработки, представленные,

прежде всего, в работах Б.С. Ерасова, Н.Н. Зарубиной, Ш.Н. Эйзенштадта, Ф. Тенбрука, Дж. Александера.

Для исследования деятельностного значения и культурной семантики символической саморегуляции трансформирующегося китайского общества в работе применяются элементы культурно-семиотического подхода, разработанного в работах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Ю.С. Степанова, С.Г. Проскурина.

Хронологические рамки Исследование определяется периодом проведения в Китае трансформаций традиционного общества по типу модернизации в Новое и Новейшее время (середина XIX – начало XXI вв).

Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в следующих положениях:

1. Произведена характеристика социокультурных оснований воспроизводства традиции традиционного китайского общества, обеспечивающих стабильность и преемственность в развитии социума.
2. Выявлена специфика социальной модернизации как системы социальной деятельности. Показано, что важнейшие социокультурные основания модернизации, под которыми понимаются фундаментальные представления, понятия и принципы, обусловленные социальными и культурными факторами, определяют специфику социальной деятельности конкретного общества, в том числе, возможности и ограничения в осуществлении трансформаций.
3. Выявленные важнейшие социокультурные основания модернизации в Китае позволяют сделать вывод о том, что при сохранении социокультурных оснований социальной деятельности, присущих традиционному китайскому обществу, происходит коррекция их содержания.
4. Выявлены особенности внутренней рефлексии в модернизационных преобразованиях китайского общества, являющейся внутренним опосредованием в системе социальной деятельности.
5. Показано, что в процессах социальной модернизации важную роль играют заимствования субъектом видов социальной деятельности контрсубъекта, осуществляющиеся в знаково-символической форме.

Положения выносимые на защиту:

1. Традиционное общество отличает постоянное воспроизведение уже имеющихся культурно-социальных, политико-экономических форм, выступающее залогом его успешного существования. В связи с этим, основным содержанием социальной деятельности становится постоянная актуализация традиции, детерминируемая социокультурными основаниями деятельности. На основании ведущей деятельности для традиционного китайского общества выявлены следующие основные социокультурные основания социальной деятельности: гносеологические, структурно-иерархические, социально-регулятивные, целерегулятивные, знаково-символические. Для безусловного воспроизведения символически заданных регулятивных программ, воплощенных в социокультурных основаниях,

происходит сакрализация всех значимых видов социальной активности посредством ритуала.

2. Специфика социальной модернизации, как комплексного целенаправленного преобразования общества, обусловленного наличествующими примерами других сообществ, которые воспринимаются как регулятивно значимые образцы успешного развития по отношению к собственному состоянию, осознаваемого как отстающее в том или ином аспекте, в отличие от прочих типов социальной динамики, заключается в его специфической рефлексивности. Для пояснения своеобразия данного типа социальных трансформаций, процессы должны быть представлены как система социальной деятельности, содержанием которой является обмен деятельностью между сложноустроенными субъектами: трансформирующимся обществом и обществом, по модели которого происходит трансформация. Взаимодействие субъектов опосредовано общественным сознанием, детерминирующим социокультурные основания социальной деятельности и выбор в рамках заданного набора возможностей.

3. В ситуации модернизационных преобразований трансформируется традиционное общество с присущими ему социокультурными основаниями социальной деятельности. Вследствие специфической рефлексивности процессов модернизации, в той или иной степени, происходит коррекция содержания имеющихся оснований. При этом наибольшим изменениям подвержены гносеологические и социально-регулятивные компоненты, т.к. в ситуации модернизации принципиально изменяется представление о прошлом и будущем субъекта. В ситуации модернизационных преобразований, в связи с тем, что в качестве представлений о собственном будущем начинает выступать представление о «чужом настоящем», собственное прошлое уже не может восприниматься как однозначно успешное, способное определить все социальные процессы. Трансформируется и цель деятельности – теперь это не воспроизводство традиции, а преодоление отставаний от общества-образца. Однако, для китайской модернизации такая ситуация характерна лишь отчасти: здесь представления о контрсубъекте не становятся образом собственного будущего «в долгосрочной перспективе», являя собой лишь возможность приближения собственного мифологического, китайского будущего техническими средствами.

4. В системе социальной модернизации китайского общества внутренним опосредованием является рефлексия субъектом своей уникальности и независимости, с одной стороны, и тождественности с контрсубъектом с другой, воплощающаяся в форме социальной идентичности. Формируемая таким образом социальная идентичность, присутствует в сознании коллективного субъекта, создавая целостное представление «о себе» и обеспечивая ценностные основания деятельности и регуляцию важнейших социокультурных оснований модернизации.

5. В системе модернизационных преобразований субъектом осуществляются заимствования видов социальной деятельности из системы

социальной деятельности контрсубъекта, происходящие в знаково-символической форме, находящие специфическое обоснование в языке, являющегося средством объективации содержания сознания и элементом культуры, фиксирующим своеобразие процессов символической регуляции, характерных для того или иного общества. Главной особенностью заимствований является детерминированность их формы наличествующей социальной идентичностью, что приводит к возможности изменения форм заимствования вследствие коррекции содержания имеющихся социокультурных оснований в процессах модернизации. Также стоит отметить, что для китайского языка принципиальным является выбор способа фиксации заимствования (иероглифический, алфавитный, различные варианты их сочетаний), свидетельствующий о степени включения заимствования в собственный социальный контекст и ассоциированности с контрсубъектом. Например, особенности иероглифической письменности позволяют органично включить заимствование в китайскую культуру, уничтожив память о его иноземном происхождении или, напротив, продемонстрировать инокультурность как термина, так и феномена, им обозначаемого.

Теоретическая значимость: Теоретическое значение представляемой диссертации заключается в том, что полученные исследовательские результаты способствуют системному анализу процессов общественной динамики, что позволяет фиксировать не только закономерности социальных систем, но и особенности реализации этих закономерностей в историческом процессе. Также полученные результаты могут быть использованы при дальнейшей работе над созданием целостной концепции модернизации как способа общественных трансформаций, уточнения механизмов и способов адаптации традиции к новации

Практическая значимость: Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы специалистами в области социальной философии, социальной антропологии, социологии, политологии, культурологии и других областей современного гуманитарного знания в качестве методологических оснований анализа конкретных социальных явлений, оценке проблем международной государственной политики, определения стратегических программ модернизации социокультурной сферы. В сфере высшей школы, данные исследования могут быть использованы для подготовки учебных и учебно-методических пособий, разработке курсов по проблемам социальной философии, социальной антропологии, культурологии.

Апробация работы: Основные результаты, содержания и выводы исследования обсуждались соискателем на международных, всероссийских и иных научных конференциях, в том числе на Основные результаты, содержания и выводы исследования обсуждались соискателем на международных, всероссийских и иных научных конференциях, в том числе на Международной научно-практической конференции «Социальные коммуникации и эволюция обществ» (Новосибирск, НГТУ, 2008, 2013, 2015

гг.), Международной школе-семинаре «Россия-Китай: стратегическое взаимодействие в XXI веке» (Новосибирск, 2015), на Международном форуме для русских и китайских молодых ученых «Обязанности молодых ученых в процессе интернализации высшего образования» (г.Чжухай (КНР), Пекинский педагогический университет, 2014 г.), Региональном учебно-методическом семинаре «Лексикология и методика преподавания китайского языка» (Новосибирск, НГУ, 2015), XII Всероссийской научной конференции «Информация - Коммуникация - Общество (ИКО - 2015)» (Санкт-Петербург, ЛЭТИ, 2015), Молодежной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока «Путь Востока. Общество, политика, религия» (Санкт-Петербург, СПбГУ 2007, 2008, 2015 гг.), Международном научном форуме «Культура и мир» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2008), Международной научной конференции «Язык и межкультурные коммуникации» (Минск, БГПУ, 2007) и т.д.

Данное исследование получило поддержку Благотворительного фонда Михаила Прохорова (2014, 2016 гг.)

Структура работы: Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем 233 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определена степень ее разработанности, сформулированы цель и задачи исследования, показаны теоретическая основа исследования, его научно-практическая значимость.

В первой главе «Социокультурные основания модернизации общества», состоящей из трех параграфов, прорабатываются теоретические основания исследования, которые в дальнейшем локализуются во второй главе, приводится характеристика основных подходов к исследованию трансформации обществ, указывается на социокультурные особенности модернизации как способа общественной трансформации, исследуются социокультурные основания системы социальной деятельности традиционного общества в условиях социальной модернизации.

В первом параграфе «Основные подходы к исследованию трансформации общества: социокультурные основания социальной деятельности». Представление об общественных трансформациях, их закономерностях, методах, задачах обусловлены взглядами исследователей на само общество. В первом параграфе в рамках культурно-антропологического, деятельностного, социокультурного подходов, предлагающих различные понимание общества, определяются социокультурные основания социальной деятельности. Концептуализированная в работах представителей феноменологии, данная проблема претерпела значительную эволюцию в рамках других подходов. Не будучи систематизированными в актуальном для данной работы отношении, эти исследования, тем не менее, содержат обширный и крайне важный

материал для построения характеристики разработанности проблем социокультурной динамики, раскрытия качественной специфики социального субъекта в конкретике присущего ему способа существования в единстве общего и специфического.

Во втором параграфе «Модернизации как способ общественной трансформации: социокультурные особенности» выявляется специфика модернизационных процессов как комплексного целенаправленного преобразования общества, обусловленного наличествующими примерами других сообществ, которые воспринимаются как регулятивно значимые образцы успешного развития по отношению к собственному состоянию, осознаваемого как отстающее в том или ином аспекте, от прочих типов социальной динамики, заключается в его специфической рефлексивности.

Для пояснения специфики модернизационных преобразований, данные процессы анализируются как система социальной деятельности, субъектами которой являются модернизирующееся общество и общество, по модели которого происходят преобразования(контрсубъект). Взаимодействие субъектов опосредовано общественным сознанием, детерминирующим социокультурные основания социальной деятельности и выбор в рамках заданного набора возможностей. Социальная идентичность субъекта является элементом сознания, опосредующим межсубъектные взаимодействия, моделирующим процессы взаимодействия субъектов (субъекта и контрсубъекта), в том числе в ситуации социальных модернизаций, выражающееся в осознании коллективным субъектом своего единства, выделении себя в качестве самостоятельного целостного субъекта, осознания своей уникальности и, как следствие, дифференцированности от равноуровневых социальных образований. Таким образом, процессы идентификации (формирования социальной идентичности), определяют модернизационные процессы как систему социальной деятельности, результатом которой выступают заимствования, которые, в свою очередь, опосредуют проводимые мероприятия по преодолению отставания от общества, воспринимаемого как образец успешного развития.

В третьем параграфе «Социокультурные основания системы социальной деятельности традиционного общества в условиях модернизации» для системы социальной деятельности традиционного общества выделяются основные социокультурные основания социальной деятельности: гносеологические, структурно-иерархические, социально-регулятивные, целерегулятивные, знаково-символические., которые позволяют выявить специфику его трансформаций, в том числе по типу модернизационных преобразований.

Указывается, что в связи с тем, что корни любой традиционной культуры находятся в религиозно-мифологическом представленном комплексе, то в кризисной ситуации именно мифологические структуры возвращают себе свою основную социальную функцию – служить средством адаптации к окружающему миру и ориентации в нем. В тоже время социализирующая и адаптирующая функция в кризисной ситуации

принадлежит не только мифу как «слову», но и ритуалу как «действию», самым непосредственным образом связанному с этим «словом».

На основании сложившихся в гуманитарных дисциплинах подходов к трактовке категорий времени и пространства (хронотопа) в традиционных культурах (М. Элиаде, В.Н. Топоров, А.К. Байбурин, Е.М. Мелетинский) вычленяются определяющие парадигмы соответствующего мировосприятия. В мифологическом мышлении космогонический акт, являющийся началом всего мира, Космоса, представлялся точкой создания и времени и пространства как единого целого. И так же наряду с миром вещей и явлений в эсхатологической катастрофе уничтожалось и время, знаменуя конец всего. После чего во многих традициях процесс начинался заново, образуя цикличность пространственно-временного континуума, то есть, согласно традиционному мировосприятию, время имеет начало и конец, циклично и неоднородно. Знаковыми признаками архаического пространства являются его жесткая организованность, опирающаяся на четкие представления о модели Космоса, принципиальная неоднородность, определяющаяся различием качественных характеристик, его составляющих. Эти аспекты образуют пространственную структуру, соответствующим образом организованную как в космологическом, так и в коммуникативном отношении.

В традиционной концепции пространства вычленяются такие его структурные элементы, как центр и периферия в рамках горизонтальной модели; верх, середина и низ в рамках модели вертикальной. Важным элементом является локализация и структура Иного мира и граница, его отделяющая. Показательна его хроматическая маркированность, реализующаяся как на мифологическом, так и на социальном уровне, имеющая непосредственное отношение к социальным практикам. Ритуал, воспроизводя прошлое «здесь и сейчас», является специфическим видом коммуникации, поддерживающим социальную стабильность и целостность.

Таким образом, анализ содержания социокультурных оснований системы социальной деятельности традиционного общества позволяет говорить о специфике космо-ориентационных категорий (позволяющих человеку или общности ориентироваться в пространстве), заключающихся в их устойчивости, длительности и обращенности в мифическое, сакральное прошлое.

Во второй главе «Модернизация китайского общества: социокультурные основания социальных изменений» анализируется специфика модернизационных преобразований, на китайском материале конкретизируются социокультурные основания социальных изменений по типу модернизации.

В первом параграфе «Социокультурные основания системы социальной деятельности традиционного китайского общества» анализируется содержание социокультурных оснований системы социальной деятельности для традиционного китайского общества.

На материале китайского языка показана качественная однородность времени и пространства, характерная для китайской традиционной культуры. Представления о горизонтальной структуре пространства реализуются на мифологическом уровне, где пять великих гор являют собой географическое воплощение пятичленной космогонической модели, при этом вся территория Китая (Поднебесная) воспринимается как Космос, окруженных Хаосом.

Специфическое представление о времени, характерное для традиционной культуры, отразилось в феномене восприятия китайцами истории, преклонения перед древностью, которая воспринимается не просто как некая временная отнесенность, но как первичность. В древнем Китае легитимация верховной власти была связана с концепцией «небесного повеления» и «смены мандата неба», определявших специфику течения времени, выражающуюся в династийных циклах, где в каждом цикле отсчет начинается заново, со времени прихода правителя к власти.

Историко-мифологический синтез древнего Китая и его трансформация в дальнейшие периоды во многом определили специфику генезиса и особенности китайской культуры, заключающиеся в восприятии прошлого как идеального конструкта и наличия практик воспроизведения прошлого в различных видах деятельности. Примерами тому самые разнообразные феномены китайского бытия: и каллиграфия, и воинские искусства, и принципы образовательного процесса, ведения бизнеса, архитектура, живопись все воплощает идею повторения и копирования.

Указанные факторы оказали влияние и на китайскую образовательную модель, как форму коммуникации между поколениями, в рамках которой происходит трансляция не столько имеющегося массива информации, сколько ценностных характеристик данного социума, призванных обеспечить поддержание стабильности в обществе. В китайской традиции транслирование имеющегося знания (в первую очередь, гуманитарного) происходит в отсутствие соответствующей рефлексии: прошлое выступает конечным, абсолютным знанием, что обеспечило расцвет богатейшей комментаторской традиции. Одновременно с этим связаны и распространенные в Китае образовательные технологии, суть которых в повторении и заучивании без обсуждения и высказывания личностных суждений.

Во втором параграфе «Социокультурные основания модернизации китайского общества: от империи к республике» показано, каким образом социокультурные основания модернизации китайского общества обеспечивают адаптацию традиционного общества к изменяющимся условиям. Анализируется, каким образом тенденция заимствования «западной» формы с охранением «традиционного» содержания реализуется в социальных явлениях и идеологических системах китайского общества. Данные процессы можно разделить на два типа: системные (легитимируемые социальными элитами), в частности различные мероприятия, направленные на реформирование общества (Сто дней реформ, Движение по усвоению

заморских дел, Реформы открытости) и несистемные, не имеющие подобной легитимации (Крестьянская война Тайпинов).

Для анализа в тексте диссертации предложено несколько феноменов, последовательно соотносимых с различными аспектами социальных явлений: политикой, экономикой, рекламой. Материалы, охватывающие период с середины XIX века до окончания Великой пролетарской культурной революции, в том числе, СМИ, рекламу, выполненную на различных носителях, официальные документы, выступления, заявления политических лидеров и проч. рефлексированы в рамках теоретической модели модернизации, предложенной в данном диссертационном исследовании, что позволяет сделать вывод о том, что несмотря на различие изучаемых феноменов, механизмы адаптации к изменяющимся условиям оказываются схожими: прошлое выступает «оправданием» настоящего, залогом его легитимности. Более того, концепты прошлого зачастую выступают как «точки роста», носители социальной динамики. Варианты сочетания представлений о «прошлом» и «будущем» могут быть различными. Так в период перехода от имперского к республиканскому Китаю стоит говорить о механическом соединении нового и традиционного для ликвидации отставания, т.е. осуществления догоняющего развития.

В третьем параграфе «Социокультурные основания модернизации китайского общества в условиях строительства Нового Китая» продолжается анализ содержания социокультурных оснований модернизации китайского общества в период, характеризующийся принципиальными изменениями в экономической и политической жизни страны, которые стали началом Нового Китая. Исследование выполнено на материалах СМИ, рекламы, олимпийской символики, брендов. В контексте модернизации, отличительной чертой этого периода становится следующая тенденция: представления о контрсубъекте не являются больше образом собственного будущего «в долгосрочной перспективе», представляя собой лишь возможность приближения действительного (мифологического) будущего техническими средствами. Модернизационная модель, предлагаемая элитами массам, прямо противоположна традиционной: будущее не менее велико, чем прошлое и значительно лучше настоящего, столь же мифологично. Источник и результат этих процессов укладывается в общую схему формирования идентичности, принятой в данном социуме, т.е. ценности лежащие в основе идентификационных процессов (традиционные с точки зрения масс) соответствуют новым, предлагаемым элитами (уже модернизационным). Достигается это различными путями, преимущественно за счет их понятности и узнаваемости, хотя бы за счет внешнего подобия. По сути, элиты и массы в условиях на данном этапе модернизации существуют как бы в разных реальностях – первые создают новое будущее, а вторые - возрождают традиционное прошлое, однако общим остается символическая (в своей основе мифологическая)

В четвертом параграфе «Языковые заимствования в процессах модернизации китайского общества» на материалах лексических

заимствований в китайский язык для системы модернизационных преобразований конкретизируются способы осуществления субъектом, заимствований видов социальной деятельности из системы социальной деятельности контрсубъекта, происходящие в знаково-символической форме, находящие специфическое обоснование в языке, являющимся средством объективации содержания сознания и элементом культуры, фиксирующим своеобразие процессов символической регуляции, характерных для того или иного общества. При этом динамика лексических заимствований является не предметом исследования, а материалом, иллюстрирующим проявление социокультурных оснований социальной деятельности в процессах модернизации общества. Процессы модернизации с необходимостью сопровождаются заимствованиями лексических структур, их обслуживающих. На основании сложившихся подходов осмысления языка как социокультурного феномена (Ф. де Соссюр, К. Леви-Строс, Э. Кассирер, Ю.С. Степанов, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, Ф.К. Бок, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, С. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В. В. Воробьев, А. Вежбицкая, С.Г. Тер-Минасова) представляется, что варианты способов фиксации новых слов в языке-реципиенте отражают механизм адаптации нововведения применительно к существующим социальным реалиям, при этом определяющее воздействие в данном механизме оказывают идентификационные характеристики общества.

Главной особенностью заимствований является детерминированность их формы наличествующей социальной идентичностью, что приводит к изменению формы в процессах модернизации. Также стоит отметить, что для китайского языка принципиальным является выбор способа фиксации заимствования (иероглифический, алфавитный, различные варианты их сочетаний), свидетельствующие о степени включения заимствования в собственный социальный контекст и ассоциированности с контрсубъектом. Так, при заимствовании буддистской лексики, происходившем задолго до процессов модернизации, термины фиксировались в форме семантического заимствования, что указывает на дистанцированность от общества-источника инновации, стремление включить заимствование в свой культурный контекст, без указания на его чужеродность.

Проведенное исследование показало, что форма лексических заимствований не стабильна и трансформируется в связи с коррекцией содержания имеющихся социокультурных оснований социальной деятельности. Так, на начальных этапах модернизации доминировали заимствования в форме практической транскрипции, которая маркировала чужеродность понятия и препятствовала полноценному включению заимствования в социокультурный контекст китайского общества, что согласовывалось с политикой правительства «Западные технологии, китайский дух». В 20-30-х гг. XX века доминируют лексические заимствования в форме семантического перевода или практической транскрипции, дополненной семантическим переводом, что соотносится с новым этапом модернизационных процессов. С 1949 по 1979 год

заимствования носят характер практической транскрипции или калькированного перевода, при этом сфера применения сужается до профессионально-технической и военной, что опять же связано с курсом внешнеполитической изоляции. После 1979 года растет число различных сочетаний фонетических и семантических заимствований – чужой термин «китаизируется» за счет китайской морфемы. Наконец, вписывание новых понятий в термины, уже имеющиеся в китайской культуре показывает не изменение традиции, а воспринимается как продолжение собственного уникального развития.

Заключение диссертации подводит итоги исследования, здесь сформулированы основные выводы и обозначены направления для дальнейшего развития темы исследования.

По теме исследования выполнены следующие научные публикации:

Публикации в изданиях, входящих в список ВАК

1. Куратченко М.А. Норма и антинорма: проблемы и перспективы инклюзивного образования в КНР // Философия образования. - 2014.- №3. - С. 215-227.

2. Куратченко М.А. Роль цивилизационной идентичности в формировании социокультурной парадигмы образовательного процесса в современном обществе (на примере обучения иностранных студентов из КНР) // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2014.- №1 (33). - С. 108-111.

3. Куратченко М.А., Луговой К.В. Мифологический аспект функционирования советской политической элиты в эпоху становления социалистического государства // Власть. - 2015. - №6. – С. 122-129.

4. Вальдман И.А., Куратченко М.А. Трансформация общественного сознания и социальных идентичностей посредством стратегии «мягкой силы» в интернациональной образовательной парадигме Китая // Сибирский педагогический журнал. – 2015. - №6. С. 154-157.

5. Вальдман И.А., Куратченко М.А. Рефлексия исторического развития в профессиональной подготовке специалистов в социально-гуманитарной сфере // Сибирский педагогический журнал. - 2012.- №9. - С. 63-167.

6. Вальдман И.А., Куратченко М.А. Социальные модернизации образования в Китае: сетевой контекст инноваций в системе самоорганизации трансформирующегося общества // Философия образования. - 2010.- №3. - С. 273-278.

Публикации в прочих изданиях

7. Куратченко М.А. Специфика модернизационных преобразований в Китае на примере развития табачной промышленности в конце XIX – середине XX века: социокультурное измерение. // Международная научно-практическая конференция "Социальные коммуникации и эволюция обществ", 9 октября 2015г., НГТУ. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – С. 242-249.

8. Куратченко М.А. Стратегия «мягкой силы» в сетевом контексте образовательной системы Китая: глобализация и идентичность // Информация - Коммуникация - Общество (ИКО - 2015): Материалы XII Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 22-23 января 2015г. - СПб.: Изд-во СПбГЭТУ "ЛЭТИ", 2015. - С. 87-90.

9. Куратченко М.А. Социокультурная парадигма в теории и практике образовательного процесса: перспективы и риски обучения иностранных студентов в современной России (опыт НГПУ) // 高等教育国际化进程中青年学者的使命. 中俄青年学者国际学术论坛会议手册 - 北京师范大学珠海分校出版社, 2014. – 页 22-30 . Обязанности молодых ученых в процессе интернализации высшего образования Материалы международного форума для русских и китайских молодых ученых. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета (Чжухай), 2014.- С.22-30.

10. Куратченко М.А. Инклюзивное образование в Китайской Народной Республике (опыт интерпретации социально-культурной оппозиции «норма» и «антинорма») // Вестник Карагандинского университета. Серия "Педагогика" № 4(76)/2014. - Караганда: Изд-во Карагандинского государственного университета, 2014. - С. 58-64.

11. Куратченко М.А. Иностранные бренды в КНР: особенности кросскультурной коммуникации // Восток-Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции.- Новосибирск, 2013. - С. 173-180.

12. Куратченко М.А. Регионоведение и международные коммуникации: феномен брендинга и региональный аспект межкультурного взаимодействия// Социальные коммуникации и эволюция обществ: материалы IV Международной научно-практической конференции. - Новосибирск, 2013. - С. 184-188.

13. Куратченко М.А. Образ мира как фактор социокультурной регуляции модернизационных процессов: сравнительный анализ китайской и японской традиций (на примере внутрисемейной коммуникации) // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области социальных и гуманитарных наук/ Новосибир. гос. ун-т., 2009. С. 200-2003.

14. Куратченко М.А. Реклама в контексте формирования идентичности китайского социума // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сб. ст. международной научно-практической конф. – Новосибирск: изд-во НГТУ. 2008. – 446с. – С.205-212.

15. Куратченко М.А. Идентичность китайского социума в условиях модернизации: социально-философский анализ. // Путь Востока. Общество, политика, религия: Материалы X Молодежной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока.- «Symposium». Вып. 37. – СПб.: факультет философии и политологии СПбГУ, 2008. – 138 с. - С. 101-107.

16. Куратченко М.А. Идентичность китайского общества в условиях глобализации: символы олимпиады-2008 как отражение специфики процессов идентификации. // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч.ст. - Гродно: ГрГУ, 2008. - С. 320-323.

17. Куратченко М.А. Трансформация идентичности китайского социума в условиях глобализации: механизмы социокультурной трансляции // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том III. - Новосибирск: Параллель, 2009. - С. 239.

18. Куратченко М.А. Языковые заимствования в контексте модернизаций китайского общества: способы установления идентичности // Язык и межкультурные коммуникации: сб. научн. статей. - Минск: БГПУ, 2007. – 333с. – С. 108-110.

19. Куратченко М.А. Политическая культура Китая в условиях трансформации: категории пространства и времени как фактор политической модернизации.// Путь Востока. Культура. Религия. Политика: материалы IX Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока. – Серия «Symposium». Выпуск 34. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2007. – 232 с. – С. 119-125.